

Сначала умереть, а потом перестать петь

Е.Образцова и Д.Бозин в спектакле "Антонио фон Эльба"

Фото М. ГИТЕРМАНА

В ней редкостно сочетаются пламенные страсти, нежная чувствительность и природный магнетизм. И снова Елена ОБРАЗЦОВА пленяет ими зрителей. На этот раз в постановке Романа Виктюка — трагикомедии "Антонио фон Эльба" итальянца Ренато Майнарди. Работа оперной певицы на драматической сцене — как брызги шампанского. Образцова великолепно двигается, живо ведет диалоги, разительно танцует джаз и, конечно, прекрасно поет. Порой забываешь о сюжете и лишь наслаждаешься ее талантом настоящей драматической актрисы.

— Елена Васильевна, такое впечатление, что Роман Григорьевич чуть ли не "в узел скручивает" актеров. Вас он заставляет каждую минуту сценического действия делать нечто новое: то вас носят на руках, то вы взбираетесь на почти трехметровую лестницу, то танцуете на высоком постаменте и тут же, не переводя дыхания, поете...

— Это не так. Меня никогда в жизни не скрутить. Виктюк любит своих актеров. Это изумительный и очень тонкой души человек. Да, сначала он репетирует очень строго, а потом отпускает нас творить. Работать с ним — одно наслаждение. Счастлива, что встретила с таким большим художником. Он изменил мою жизнь.

— Помните первую встречу с ним?

— Конечно. Лет девять назад в Сан-Франциско мы с моим мужем Альгисом Жюрайтисом пришли в гости к Наталии Макаровой, знаменитой нашей балерине. У нее был Роман Виктюк. Он репетировал с Наташей пьесу "Двое на качелях". Помню, как я робко спросила Романа Григорьевича: можно буду следующей у него на очереди? Позже увидела в Москве его "Саломею" с Димой Бозиним. После спектакля буквально ураганом влетела за кулисы и... предложила Виктюку сыграть в его театре.

— Роман Григорьевич назвал ваш бенефисный спектакль "пье-

сой для Образцовой с оркестром". Итальянская пьеса понравилась сразу?

— Да. Она о любви оперной певицы к юноше, который возвращает ей молодость и красоту. Читали пьесу у меня дома. Виктюк привел почти всех своих актеров. Прослушав текст, я сразу дала согласие играть. Вскоре мы начали репетиции. Работала я с удовольствием.

— Чем привлекла вас роль Амалии?

— Желанием и умением Амалии любить. Мне хотелось выразить в этой работе и свое понимание жизни. Самое главное в ней, конечно же, — любовь. Если любви нет, люди быстро стареют, угасает их интерес к жизни. Когда она приходит, жизнь возвращается вновь, причем даже в старости.

— Не могу не вспомнить прекрасные слова Романа Виктюка. Он убежден, что в вас, Елена Васильевна, есть неизрасходованная энергия любви — потребность и способность любить. И что у нас безумно мало таких артистов. Благодаря таким, как вы, утверждает режиссер, не придет конец света, потому что души таких женщин останавливают даже мировые катаклизмы.

— Роман Григорьевич умеет говорить. Спасибо.

— А сколько раз вы сами влюблены, если это, конечно, не секрет?

— Влюбленность — еще не любовь.

А любовь приходила ко мне четыре раза. Люблю сама дарить любовь и ничего не прошу взамен. Она — дар Божий, ее нельзя запланировать. Но по-настоящему любила только своих мужей: Славу Макарова и Альгиса Жюрайтиса.

— Ваш первый муж, говорят, так обожал вас, что поменял даже профессию, чтобы больше времени уделять дому...

— Не совсем так. Слава был и остается физиком-теоретиком. Я всегда буду ему благодарна, что он дал мне возможность творить и избегал от всех домашних забот, взял на себя даже воспитание дочери. Наша Лена — дитя любви. Растет внук Александр. Ему уже двенадцать. Слава — прекрасный человек, очень порядочный, умница. Он был моим другом, помощником. Мы жили счастливо семнадцать лет.

— И все же вы ушли от него?

— Да. Все произошло так внезапно — как удар молнии. Мы возвращались с гастролей и оказались с Альгисом в одном купе. Тут-то нас как бы обожгло. Никогда не думала, что жизнь нас свяжет. Два года я боялась говорить Славе о разводе. Это было мучительно. Но время все лечит. С Альгисом мы прожили в любви почти двадцать лет. К несчастью, случилось непоправимое. Его не стало в 98-м году. Было невыносимо трудно без него... Я ездила по миру, чтобы только не быть дома. Спасала только работа.

— Теперь понимаю, почему вы захотели играть у Виктюка.

— Это для самоутверждения: чтобы сказать самой себе, что я еще живая и могу делать все, что хочу и как хочу. Привела себя в порядок и горжусь, что не позволила себе опуститься после горя. Я начинаю жизнь сначала.

— Есть новые планы с Виктюком?

— Мы работаем над спектаклем "Венера в мехах" Захер-Мазоха. И там я должна появиться обнажен-

ной. Представьте себе, в молодости я была настолько застенчивой и стеснительной, что не могла раздеваться в присутствии подруг. И вот Венера! Конечно, это эпатаж...

— Вы, Елена Васильевна, и в самом деле Венера. Вы приносите на сцену солнце и воспламеняете дух. А кто или что, помимо музыки, возвышает ваш дух?

— Бог.

— Молитесь?

— Нет. Разговариваю, прошу, благодарю.

— О чем вы хотели попросить Бога?

— Сейчас я его только благодарю. Благодарю за то, что живу, за все радости, горести и все трагедии, которые пережила. За интересную и прекрасную жизнь.

— Вас обожают всюду, где вы выступаете. А кого обожаете вы?

— Марию Каллас. О встрече с ней и другими прекрасными исполнителями я рассказываю в своей новой книге. Она будет продолжением "Записок в пути", которые мы сделали с Реной Шейко. Сейчас пишу сама, причем легко и быстро. Хочу издать и профессиональный комментарий к наиболее популярным партиям. Закончила книгу "Как я пела".

— Елена Васильевна, признайтесь, я была поражена, когда через три дня после труднейшего спектакля Виктюка услышала ваш концерт в Большом зале консерватории. Вы пели мало кому известную музыку немецких и французских композиторов. Звучали Гуго Вольф, Франсис Пуленк, Эрик Сати. Как успеваете так фантастически много работать?

— Всю программу я сделала сама в Париже, а в Москве мы уже работали с моим неизменным концертмейстером. Важа Николаевич Чавава — еще один бесценный подарок судьбы.

— Почему именно в Париже?

— В Опере Бастилии, в спектакле

"Война и мир", который поставила Франческа Дзамбелло и где был превосходный интернациональный состав, я пела партию Ахросимовой. А когда-то, вспоминая, была в прокофьевской опере Элен Безуховой и княжной Марьей.

— Недавно я прочитала, что во французской столице вас называли "последней царицей русского вокала". Чем царица собирается удивить москвичей?

— Предложила Виктюку инсценировать свою последнюю концертную программу. Мне хотелось бы выйти на сцену во фраке, с котелком, с сигаретой и танцевать. И все это с одной целью — привлечь к классической музыке новых слушателей.

— В прошлом году вы организовали и провели в Петербурге Международный конкурс молодых оперных певцов имени Елены Образцовой. А в минувшем июне в Москве — Международный конкурс вокалистов камерного искусства. Появились новые имена?

— Да, мы открыли талантливых молодых вокалистов. Первые премии получили Елена Семенова, ученица Ирины Масленниковой, и Дмитрий Царегородцев, воспитанник Зары Долухановой. В гала-концерте у нас замечательно выступила юная Анастасия Черноволос. Ей всего одиннадцать с половиной лет. Она начала петь с девяти лет. Живет в Луганске.

— Когда отдыхаете?

— Не отдыхала уже, наверное, лет тридцать. Живу — как белка в колесе. Кажется, если остановлюсь, то просто рухну.

— О чем мечтаете?

— Только об одном. Прошу Бога дать мне сначала умереть и только потом перестать петь.

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА